

Вестник Европы

1866 том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 Вестник Европы: 1866 том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 652 с.

ISBN 978-5-517-91895-6

Русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1918 год в Санкт-Петербурге (продолжал традицию одноимённого журнала, основанного в 1802 году Н. М. Карамзиным). До 1868 года выходил ежеквартально, с 1869 года — ежемесячно. Редактор-издатель М. М. Стасюлевич (с 1866 по 1908 год). В журнале преимущественное внимание уделялось истории и политике. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1866 года

ISBN 978-5-517-91895-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Второй отдѣлъ посвящается исключительно наблюденію за тѣмъ, какъ разрабатываются въ настоящее время лучшими умами важнѣйшіе вопросы историко-политическихъ наукъ, и какъ относятся историческая критика и историческое искусство къ совершившемуся.

Третій отдѣлъ служить только дополненіемъ второго, обозрѣвая общій ходъ исторической литературы, и указывая вкратцѣ на важнѣйшіе изъ ея произведеній, съ тѣмъ чтобы въ слѣдующихъ книжкахъ представить о нихъ обстоятельный отчетъ во второмъ отдѣлѣ.

При томъ вліяніи, которое оказываетъ на будущіе успѣхи историческихъ наукъ ихъ педагогическая литература и устное преподаваніе, „Вѣстникъ Европы“ удѣляетъ и этому предмету особый, а именно, четвертый отдѣлъ; туда войдутъ разборы новѣйшихъ произведеній педагогическаго характера, извѣстія о состояніи исторической каедры у насъ и за границею и т. п.

Пятый и послѣдній отдѣлъ посвящается исключительно описанію тѣхъ событій современной исторіи, въ которыхъ главнымъ образомъ выразился духъ нашего времени; современная историческая жизнь представляетъ много случаевъ для научныхъ наблюденій надъ живыми общественными организмами, и служить вѣсть съ тѣмъ средствомъ для провѣрки тѣхъ общесторическихъ законовъ, которые выводятся изъ опытовъ надъ отжившими обществами и народами.

Отношеніе нашего журнала къ духу современной намъ образованности опредѣляется легко само собою ея господствующимъ нынѣ направленіемъ. Мы являемся предъ публикою, оставляя позади себя мало выгодное время вообще для всѣхъ гуманитарныхъ наукъ: естествознаніе, какъ вслѣдствіе внутренняго достоинства своего точнаго и наблюдательнаго метода, такъ и вслѣдствіе крайней слабости у насъ гуманнаго образованія, заняло первое мѣсто въ ходѣ нашего умственнаго просвѣщенія. Никто болѣе насъ не радовался бы этому, отдавая всю справедливость просвѣтительному значенію естествознанія, если бы мы не сознавали вѣсть съ тѣмъ, что у насъ въ той же мѣрѣ ослабло изученіе явленій нашего духа, каковы философія, филологія, исторія; между тѣмъ такое изученіе должно было бы сдѣлаться еще болѣе настоятельнымъ, именно вслѣдствіе успѣха естественныхъ наукъ. Послѣднія могутъ остаться безцѣльными, если, продолжая постоянно стремиться изъ себя, во внѣшній міръ, ни никогда не захотимъ вернуться отъ внѣшней природы къ самимъ себѣ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать новый шагъ въ самопознаніи и подвести

общіе итоги своихъ опытныхъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи, историческая наука способна оказывать намъ большую услугу.

Мы не подраздѣляемъ въ своемъ журналѣ каждый отдѣлъ на рубрики, по предметамъ отечественной и всеобщей исторіи, уже и потому, что у насъ всеобщая исторія займетъ главнымъ образомъ мѣсто на столько, на сколько она, такъ сказать, является сама второю отечественною исторіею, или, какъ выразился Жанъ-Батистъ Вико, говоря, что всеобщая исторія называется *всеобщею* потому, что она предполагаетъ во всѣхъ народахъ *общую* человѣческую природу. Нѣтъ такого великаго народа, который не считалъ бы человѣчества своею второю родиною; и чѣмъ выше предназначеніе какого-нибудь общества, тѣмъ родство его съ человѣчествомъ ближе и живѣе. Никто не имѣетъ притязанія считать, напримѣръ, христіанства явленіемъ, принадлежащимъ исключительно какому-нибудь одному изъ великихъ современныхъ народовъ; то, что называется классическою стороною въ настоящей европейской образованности также не есть исключительная принадлежность какой-нибудь новѣйшей европейской національности; феодализмъ, монархія, парламентаризмъ, цезаризмъ и многія другія явленія государственной жизни вытекаютъ скорѣе изъ общей природы всѣмъ народамъ, нежели изъ духа римскихъ учрежденій и древней германской образованности, ибо вліянію тѣхъ идей подчиняются не однѣ германскія и романскія, но и вообще всѣ народности. Выходя изъ такой точки зрѣнія, мы не отдѣляемъ у себя искусственно вопросовъ отечественной исторіи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и вопросовъ всеобщей исторіи, но въ послѣднихъ, какъ мы сказали выше, обратимъ преимущественное вниманіе на тѣ ея стороны, которыя дѣлаютъ всеобщую исторію родною всѣмъ образованнымъ народамъ, а слѣдовательно и намъ. Наконецъ, научные приемы, разработка матеріаловъ, ихъ художественное воспроизведеніе, еслибы и носили на себѣ извѣстные слѣды національнаго характера, тѣмъ не менѣе они должны быть общи и для отечественной, и для всеобщей исторіи. А мы не можемъ не сознаться, что историческая наука сдѣлала во всѣхъ отношеніяхъ болѣе успѣха на западѣ, нежели у насъ; а потому знакомство съ историческими произведеніями западныхъ писателей необходимо для успѣховъ и отечественной исторіи. Имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство, мы будемъ стараться вводить въ нашу литературу не только результаты новѣйшихъ трудовъ западныхъ ученыхъ, какъ то мы обѣщали выше, но обратимся иногда и къ прежнимъ

произведеніямъ, которыя послужили основаніемъ новыхъ историческихъ школъ, и которыхъ извѣстность у насъ иногда ограничивается однимъ частнымъ обращеніемъ въ обществѣ именъ ихъ основателей, хотя подробное и обстоятельное знакомство съ самымъ содержаніемъ и научными приёмами этихъ школъ далеко не соответствуетъ громкой извѣстности имени ихъ основателей.

Если русская исторія и вообще исторія славянъ будутъ у насъ отдѣлены отъ всеобщей, то только въ силу закона о раздѣленіи труда. Всѣмъ тѣмъ, что относится къ исторіи Россіи и исторіи славянъ вообще, будетъ завѣдывать нашъ постоянный сотрудникъ-учредитель, *Н. И. Костомаровъ*, при главномъ содѣйствіи котораго мы возобновляемъ нынѣ „Вѣстникъ Европы“.

Причины, побудившія Редакцію ограничиться четырьмя книгами въ годъ, понятны сами собою: и новость дѣла, и самый его характеръ, требуютъ возможно болѣе продолжительныхъ сроковъ приготовленія. Но Редакція желая имѣть время своимъ союзникомъ, разсчитываетъ еще болѣе на то, что наши ученые дѣятели, по отдѣлу историко-политическихъ наукъ, не оставятъ ея безъ своего содѣйствія, и своими трудами помогутъ придать новому журналу то научное значеніе, котораго онъ желалъ бы достигнуть, оставаясь вѣрнымъ выставленной имъ программѣ и вышензложеннымъ убѣжденіямъ.

С.-Петербургъ. — Декабря 1 дня, 1865 года.

Если еще мы не можемъ сказать, чтобы нашъ первый шагъ, которымъ мы переходимъ теперь отъ плановъ къ ихъ выполненію, былъ полнымъ осуществленіемъ той программы, которую мы объявили три мѣсяца тому назадъ, приступая къ новому дѣлу, то во всякомъ случаѣ мы позаботились о томъ, чтобы направить этотъ шагъ такъ, чтобы онъ могъ вести насъ къ дальнѣйшему усовершенствованію. Каждый легко замѣтитъ, что въ составѣ перваго тома преобладаютъ вопросы отечественной исторіи, и, безъ сомнѣнія, никто не будетъ сѣтовать на то. Въ этомъ случаѣ, выборомъ редакціи управляло преобладающе направленіе нашихъ ученыхъ специалистовъ, устремленное къ изученію своихъ дѣлъ и вызванное въ свою очередь общественною потребностью. Неудивительно, что все это отразилось и на содержаніи нашего перваго тома.

При нашемъ обращеніи къ новѣйшимъ дѣателямъ въ области историко-политическихъ наукъ, мы имѣли случай замѣтить не одно преимущественное направленіе къ вопросамъ отечественной исторіи, но и обиліе трудовъ, которые свидѣтельствовали вѣсть и о необходимости у насъ спеціального органа, и объ огромномъ различіи во времени, которое нами прожито отъ эпохи перваго основанія „Вѣстника Европы“. 16 ноября 1801 года, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось первое объявленіе объ изданіи „Вѣстника Европы.“ Вотъ, какъ писалъ о томъ Н. М. Карамзинъ: „Съ будущаго января 1802 года, намѣренъ я издавать журналъ подъ именемъ „Вѣстника Европы,“ который будетъ извлеченіемъ изъ двѣнадцати лучшихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ.“ Редакторъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, не могъ и думать безъ перевода съ иностранныхъ языковъ найти достаточно самостоятельнаго матеріала у себя; мы, наоборотъ, отказались совершенно отъ переводной литературы, и тѣмъ не менѣе обширность оригинальныхъ трудовъ и ихъ многочисленность была такова, что мы нашли себя вынужденными сократить значительно хроники выходящаго нынѣ перваго тома.

П.

ПИСЬМО

ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЛЕТНЕВА

ВЪ РЕДАКЦІЮ *).

„Прочь авторитеты!“ повторялъ нѣсколько разъ въ статьяхъ своихъ одинъ писатель, принимавшійся, подобно вамъ, за изданіе новаго журнала. Авторитетъ представлялся ему въ видѣ обиднаго для всѣхъ кумира, поставленнаго на подножіе, съ котораго пришло время сбросить его.

*) Наканунѣ телеграммы, принесшей извѣстіе о кончинѣ Петра Александровича, послѣдовавшей въ Парижѣ 29 декабря истекшаго года, было получено отъ него это письмо въ Редакцію журнала, при слѣдующей припискѣ:

^{23 дек. 1865.} ^{4 янв. 1866.} *Парижъ. Rue Marbeuf, 73.* Вотъ вамъ, любезный другъ М. М., объ-

щанное. Посылая его, я только очищаю совѣсть. Вы должны повѣрить моей искренности, если я скажу, что совсѣмъ не желаю видѣть эти строки въ печати, если вы, или Николай Ивановичъ (Костомаровъ), почувствуете, что онѣ, кромѣ скуки, ничего не внесутъ въ журналъ..... По моему почерку вы конечно догадываетесь, что мое здоровье не въ цвѣтущемъ состояніи. На бѣду, одинъ мой глазъ, и прежде слабый, теперь ослабѣлъ еще болѣе. Полагаю, что всѣ эти недуги пришли ко мнѣ отъ этихъ коротенькихъ дней, въ концѣ декабря и въ началѣ января, мучащихъ все живое, особенно же нездоровыхъ. Я говорилъ П. о вашемъ желаніи. Онъ готовъ участвовать. Если вы еще не писали, то напишите ему.

«Прошу васъ побывать у Катерины Николаевны Мещерской (урожденная Карамзина) и поблагодарить ее отъ меня за память и участіе.

«Участіе А. Т. въ Вѣстникѣ Европы было бы очень кстати. Онъ талантливый писатель.

«Жду книгъ» и т. д.

На слѣдующій день, 24 декабря утромъ его постигъ ударъ, и 29 декабря не стало одного изъ послѣднихъ свидѣтелей литературной эпохи Карамзина, Жуковского, Пуш-

Вы думаете иначе. Въ объявленіи о своемъ „Вѣстникѣ Европы“, вы сказали: „Прежде всего, мы желали самымъ выборомъ такого названія почтить память нашего достойнѣйшаго отечественнаго историка въ тотъ годъ, когда время открытія новаго историческаго журнала совпадетъ съ первымъ столѣтнимъ юбилеемъ рожденія Карамзина.“ Такое воспоминаніе достойно его..... Миѣ даже показалось, что и самое число выпусковъ, ежегодно вами назначаемыхъ, указываетъ на другой авторитетъ, который вы мысленно почтили: такъ являются трехлѣтніе обзоры тѣхъ свѣтлыхъ и высшихъ британскихъ умовъ, которыхъ послѣдователемъ былъ и Пушкинъ при основаніи своего „Современника“.

Итакъ, не всѣ и не всегда смотрѣли враждебно на авторитеты, которыхъ отличительный характеръ состоитъ именно въ томъ, что они, не измѣняя внутренняго своего достоинства, оставляютъ каждому свободный путь труда. Не ихъ вина, если писатель иногда рабски таетъ въ каждой чертѣ по чужимъ слѣдамъ, не чувствуя, что онъ не только не возсоздаетъ ничего творческаго, но и разрушаетъ его въ основаніи.

Авторитетъ, какого бы онъ ни былъ времени, въ отношеніи къ намъ, тоже, что природа. Она животворитъ насъ и вдохновляетъ, не связывая нашихъ силъ и не налагая на нихъ обязанности бездушнаго повторенія.

кна, съ которыми П. А. Плетневъ находился въ самыхъ близкихъ связяхъ. Мы скажемъ не многое, но много, если проводимъ его въ могилу словами: умный, честный и добрый человекъ! Такъ говоримъ мы теперь, и такою же славой онъ пользовался еще 40 лѣтъ тому назадъ, когда Пушкинъ, посвящая П. А. Плетневу свой романъ „Евгеній Онѣгинъ“ говорилъ:

*Хотѣлъ бы я тебя представить
Заломъ достойные тебя,
Достойные души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты!*

Мы дѣйствительно, понимаемъ и вѣримъ вполне въ искренность покойнаго, не желавшаго видѣть присланныя имъ «строки» въ печати; но смерть едва позволила ему окончить свои мысли на бумагѣ и жестоко порадила его скромность. Теперь и мы, не опасаясь лести, скажемъ, что не ему слѣдовало предоставлять намъ право напечатать или не напечатать его письма, а намъ — благодарить его за честь, которую онъ сдѣлалъ нашему журналу. Притомъ, мы думаемъ, что, представляя нашимъ читателямъ это письмо, мы сообщаемъ историческій документъ — послѣднее воспоминаніе человека, съ именемъ котораго связана исторія воспитанія нашего Государя, знаменитая эпоха нашей литературы и наконецъ исторія нашего университета, въ которомъ мы его помнимъ какъ профессора, и какъ ректора, который умѣлъ въ теченіи 20 лѣтъ сохранять неизмѣнное довѣріе и уваженіе членовъ совѣта. *Ред.*

Истинное созданіе во всѣхъ проявленіяхъ своихъ свободно. Тѣмъ не менѣе, оно не въ противорѣчіи съ прекраснымъ, до него явившимся и всѣмъ сознаваемомъ, будетъ ли оно въ природѣ, или въ искусствѣ. Это отношеніе внушаетъ намъ только естественное сочувствіе къ авторитету.

Карамзинъ безспорно замѣчательнѣйшій литераторъ въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова. Чѣмъ ни занимался онъ въ нашей литературѣ, на всемъ оставилъ слѣды обновленія и совершенствованія. Его воображеніе видимо и съ полнымъ успѣхомъ работало надъ каждою стороною избраннаго имъ предмета. Начиная съ языка, важнѣйшей принадлежности въ литературѣ, онъ далъ образцы вкуса и заставилъ уважать высшія требованія искусства, о которыхъ до него никто и не думалъ. Но при всемъ томъ, эти улучшенія, эти богатства, внесенныя Карамзинымъ въ общую сокровищницу литературы нашей, какъ и все, пережившее свой вѣкъ, не могутъ быть снова принимаемы для поддержанія достоинства и блеска современныхъ трудовъ. На этомъ же поприщѣ необходимо полное обновленіе. Жизнь и мысль народа не могутъ остановиться. Какъ самое время, онъ непрерывно ичтается впередъ. Окружаемые при этомъ движеніи всѣмъ новымъ, мы прошлому отводимъ мѣсто въ исторіи, подчиняясь въ настоящемъ властительству новыхъ силъ.

По закону общаго и неизмѣннаго преемничества, языкъ обогащается болѣе точными выраженіями, болѣе пріятными оборотами и болѣе удобными формами сочиненій. Въ описаніяхъ и повѣствованіяхъ являются нныя краски, которыя живѣе и соотвѣтственнѣе представляемымъ предметамъ. Пути направленія мыслей развѣтвляются и расширяются. Источники новыхъ изслѣдованій и воззрѣній безостановочно отыскиваются и заставляютъ перерабатывать часто вѣковыя идеи. Вотъ, сколько побужденій, на основаніи которыхъ вы должны были предварительно объявить (какъ это и исполнено вами), что въ журналѣ своемъ вы не иначе намѣрены обрабатывать каждый отдѣлъ, какъ по требованіямъ нынѣ господствующаго направленія. Этихъ вы поставили себя внѣ всякой зависимости отъ Карамзина.

Между тѣмъ, въ этомъ же авторитетѣ еще сколько остается сокровищъ, которыхъ благотворнаго вліянія надобно пожелать всякому. Карамзинъ любилъ неизмѣнно и съ преданностью свое поприще мысли, науки и вкуса. На немъ онъ трудился не урывками, не для отдохновенія и не по суетному внушенію честолюбивыхъ видовъ. Онъ вполне созналъ, что это его призваніе на всю жизнь. Скромно посвятивъ всего себя столь

благородному занятію, онъ въ немъ нашелъ всю прелесть жизни, удовлетвореніе лучшимъ потребностямъ души, оправданіе въ исполненіи обязанностей гражданина и отрадную мысль о сочувствіи къ нему мыслящихъ людей.

Поразительнѣе всего неутомимость, настойчивость и добросовѣстность его въ составленіи „Исторіи Россійскаго государства“. Труды предшественниковъ его не представляли ему пособій ни въ какомъ отношеніи. Въ нашей литературѣ не только не было передъ нимъ ни одного образца, но и самые необходимые источники не были приведены въ порядокъ и оставались по большей части въ неизвѣстности. Сколько труда и терпѣнія требовала одна тяжелая предварительная работа. И что же мы увидѣли? Какіе только можно было, въ тогдашнее время, отыскать матеріалы, привести ихъ въ порядокъ и извлечь изъ нихъ все существенное, все необходимое, они явились провѣренными, стройными и привлекательными въ его созданіи. Карамзинъ провелъ цѣлыя годы посреди хаоса, чтобы выработать изъ него артистическое цѣлое. Теперь намъ легко выходить за нимъ на ту же работу, обзрѣвать воздѣланное поле, измѣрять, расширять, или уменьшать его части по усмотрѣнію, отыскивать другія точки для новыхъ воззрѣній, словомъ: свободно и безотчетно пользоваться неисчислимыми сокровищами, въ наслѣдство намъ перешедшими отъ Карамзина.

Когда, такимъ образомъ, сообщено было литературѣ полное и правильное движеніе, Карамзинъ, еще при жизни своей, былъ награжденъ новыми успѣхами вкуса и мысли, развившимися въ его же сферѣ. Одна послѣ другой, двѣ новыя школы не могли остаться незамѣченными. Ихъ основатели, какъ ни тѣсно соединены были съ Карамзинымъ, но талантъ каждаго выбралъ себѣ независимую дорогу. Они подчинили себя учителю только въ стремленіи къ совершенствованію искусства и въ расширеніи области его. Извѣстно, что Жуковскій первые опыты свои обрабатывалъ передъ глазами основателя „Вѣстника Европы“. Въ это же время мы начинаемъ чувствовать, что слогъ ученика представляетъ болѣе силы и выразительности, что картины его ярче и полнѣе, что въ основаніе произведеній его положенъ религіозный элементъ, согрѣтый истиннымъ и глубокимъ чувствомъ. За нимъ является Пушкинъ, самообытный и совершеннѣйшій художникъ. Онъ тѣмъ не менѣе самъ торжественно называлъ себя ученикомъ Карамзина и Жуковскаго. Съ появленія произведеній его всѣ почувствовали, какое могущество представляетъ языкъ,

сколько богатствъ хранить въ себѣ мысль, и какое духовное наслажденіе затаено въ проявленіи творчества.

Какъ ни разнообразны были эти писатели во всѣхъ отношеніяхъ къ литературѣ, ни одинъ однакоже изъ нихъ не отдѣлился отъ другого, увлекаемый какимъ нибудь эгоистическимъ чувствомъ. Имъ казалось совершенно естественнымъ и даже какъ бы закономъ справедливости чествовать авторитетъ. Они сознавали въ душѣ, что область искусства безгранична, что въ ней каждый родъ совершенства и красоты найдеть принадлежащее ему мѣсто, и что всѣ они къ одной идутъ цѣли.

Благодушіе Карамзина и его сочувствіе ко всякому честному труду ума и вкуса распространялись не на однихъ близкихъ къ нему людей. Онъ готовъ былъ дѣлиться опытностью своею и теплымъ участіемъ въ обществѣ дѣлѣ образованія съ каждымъ лицомъ, которое бы пожелало слышать его мнѣніе о своихъ убѣжденіяхъ. По этому, постепенно, все шире и шире становился кругъ желавшихъ войти съ нимъ въ непосредственныя отношенія. Домъ его наконецъ составлялъ какъ бы опредѣленное мѣсто, гдѣ назидательный разговоръ и свободный обменъ даже противоположныхъ мыслей воспитывали и укрѣпляли лучшія стремленія на пользу общества. Это былъ центръ, откуда являлись уже выработанными основныя идеи того времени.

Мы, въ наше время, ничего подобнаго не видимъ, по крайней мѣрѣ въ литературѣ. Вамъ оставляю рѣшить, къ лучшему это, или напротивъ.

П. ПЛЕТНЕВЪ.

23 декабря, 1865.
4 января, 1866. Парижъ.

III.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

въ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

до 1880 года.

„Вѣстникъ Европы“, при самомъ началѣ своего существованія, предназначался быть органомъ литературно-политическимъ, и въ литературномъ отдѣлѣ преимущественно переводнымъ. „Литература и политика, говорилъ Карамзинъ, составляютъ двѣ главныя части его. Первая часть украсится всѣми цвѣтами новыхъ произведеній ума и чувства въ Европѣ.“ Но при всемъ томъ „Вѣстникъ Европы“ съ теченіемъ времени началъ мало по малу становиться столько же научно-историческимъ органомъ, сколько литературнымъ и политическимъ, а въ послѣдніе годы своего существованія онъ занималъ въ исторіи русской литературы видное мѣсто особенно какъ журналъ историческій; болѣе чѣмъ какой другой литературный органъ, онъ двигалъ въ Россіи любовь къ занятіямъ отечественною исторіею, сдѣлался пріютомъ лучшихъ нашихъ научно-историческихъ дѣятелей. Недаромъ Карамзинъ былъ личностію, положившею ему основаніе. Уже Карамзинъ самъ благословилъ его на будущее значеніе помѣщеніемъ въ немъ нѣсколькихъ собственныхъ историческихъ произведеній. Таковы были: „Путешествіе вокругъ Москвы“ (ч. VII, № 4), гдѣ описываются окрестности столицы по историческимъ воспоминаніямъ; „О московскомъ мятежѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ“ (ч. XI, № 8); „Свиданіе Софіи Шарлоты прусской королевы съ Петромъ Великимъ“ (ч. X, № 14); „О тайной канцеляріи“ (ч. VIII, № 6); „Русская старина“ (ч. XI, №№ 12, 20, 21), гдѣ приводятся